

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 301.162

А. И. Стребков, М. М. Алдаганов, Г. Г. Газимагомедов

РОССИЙСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ МЕЖДУ НАСТОЯЩИМ И ПРОШЛЫМ

Эта статья есть дань глубокого уважения и признательности рано ушедшему из жизни Мусе Магомедовичу Алдаганову, много сделавшему для развития российской конфликтологии, — кандидату философских наук, доценту кафедры конфликтологии философского факультета Санкт-Петербургского университета.

Конфликтология и как наука, и как образовательная программа, и как практика за последнее время нарастила существенный потенциал. И дело не только в том, что появилось множество статей в журналах, диссертаций по конфликтологической проблематике, но и в том, что политико-юридическое пространство конфликтологии расширилось. Прежде всего это связано с тем, что Минюстом РФ утвержден Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования уровня магистратуры и бакалавриата. Это победа конфликтологии, с которой связано ее существование и как науки, и как образовательной программы, и как практики разрешения конфликтов. Специализированная подготовка конфликтологов есть шаг вперед на пути утверждения конфликтологии как особого знания и особого предмета этого знания — конфликта. Это признание того, что конфликт является существенной стороной жизни российского общества, что он есть закон современной жизни. Это признание теоретического осмысления закономерностей зарождения, протекания конфликта в различных социальных средах и технологий его предупреждения и разрешения, а значит — поддержания и сохранения мира. Это признание необходимости теоретического осмысления и практического применения инструментов, преобразующих разрушительную силу конфликта в созидательную силу. Это признание практической значимости альтернативных способов разрешения конфликтов. Это признание того, что правовые способы разрешения конфликтов не являются исчерпывающими в правовом государстве.

Стребков Александр Иванович — д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: strebkov.com@mail.ru

Алдаганов Муса Магомедович — канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Газимагомедов Газимагомед Гамзатович — д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: conflict@philosophy.ru

© А. И. Стребков, М. М. Алдаганов, Г. Г. Газимагомедов, 2013

Политико-юридическое пространство существования отечественной конфликтологии расширилось за счет того, что в декабре 2009 г., почти сразу после 1-го Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов, приказом министра здравоохранения и социального развития Российской Федерации была введена должность «Конфликтолог» вместе с квалификационными характеристиками этой должности. В 2010 г. был принят Закон о медиации [1], инициированный бывшим Президентом РФ Д. А. Медведевым.

Общая тенденция развития конфликтологического образования и в СПбГУ, и в других вузах страны свидетельствует о том, что процесс этот основан на реальных потребностях современного российского общества и имеет широкую поддержку на всех уровнях организационного и политического обеспечения. Сегодня уже можно вполне определенно сказать, что конфликтология и как образовательная программа, и как наука, и как практика полностью институционализована, имеет высокие ресурсы для устойчивого самовоспроизводства и развития, признана и поддерживается в полной мере российским государством.

Конфликтология представляет собой относительно новое явление в отечественной социально-философской мысли. Лишь с конца 80-х годов прошлого столетия в России обнаруживается акцентированный и все возрастающий интерес к проблеме социального конфликта, что вполне отчетливо отразилось в количестве публикаций, посвященных его природе и сущности. На сегодняшний день опубликовано более 3500 работ — монографий, сборников статей, брошюр, журнальных статей, защищено более 700 кандидатских и докторских диссертаций в более чем 15 отраслях науки, начиная с психологии (27% от общего числа диссертационных исследований), социологии (17,8%), политологии (15,2%), философии (6,4%) и заканчивая военными науками (1,5%) [2, с. 30–31].

Известные особенности развития советской отечественной гуманитарной науки в XX в., когда потребность общества обладать объективными и непредвзятыми знаниями о себе порой подменялась идеологемами, исключали признание атрибутивной конфликтности общества. Существование общества не могло характеризоваться и, соответственно, описываться посредством конфликтной парадигмы. Проблематика конфликта и конфликтные отношения как предмет научного анализа долгие десятилетия были сосредоточены преимущественно в сфере межличностных, семейно-брачных и отчасти трудовых отношений в их локальных коммуникативных связях и, как правило, взаимодействиях носителей «передового» и «консервативного» начал производственного процесса. Таким образом, с 1920-х по 1980-е годы большая часть исследований конфликта аккумулируется в отечественной психологии и социологии труда. Отсутствие «социального заказа» выступало главным препятствием для развития научной мысли, что было характерно не только для нашей страны, но и для «просвещенного Запада». Правда, при этом следует отметить, что отечественные ученые уже с 70-х — начала 80-х годов предпринимали попытки привлечь исследовательское внимание к проблеме конфликта, предлагая широкую ретроспективу существующих достижений в этой области в западной социологии [3–5].

Современная отечественная конфликтология опирается, с одной стороны, на достижения отечественной и мировой социально-философской мысли, с другой стороны, на достаточно емкий и глубокий пласт теоретико-методологических изысканий в области природы и сущности социального конфликта, достигнутый в западной соци-

ологии XX в. Интерес к феномену социального конфликта, обнаруженный ведущими социологическими школами, прежде всего американской, немецкой, английской и отчасти французской, способствовал тому, что здесь эти исследования оформились в самостоятельное научное направление в виде «социологии конфликта».

Уместно выделить некоторые онтологические и гносеологические основания и предпосылки формирования конфликтологии как науки, имея в виду, что процесс этот стал результатом естественной отзывчивости научного познания на объективно сформировавшиеся социальные запросы эпохи. Речь идет о совокупности социально-исторических предпосылок, обусловивших объективную востребованность данной системы знания, а также о сопровождавшем эту ситуацию мировоззренческом кризисе — рождении «неклассической философии» как новой мировоззренческой альтернативы, вызванной к жизни неспособностью наличного знания на основе своих методологических средств адекватно интерпретировать новое качество и логику социальных процессов рубежа XIX–XX вв. В логике именно этих мировоззренческих исканий возникает и собственно конфликтология.

Хронологически рождение конфликтологии как самостоятельной научной области знания, целенаправленно обращаясь к исследованию сущности социального конфликта, относится к первой четверти XX в. Социально-исторически эта эпоха, включая весь XIX в., насыщена весьма масштабными событиями и высокой динамикой исторической поступи европейской цивилизации. По своим системным особенностям, по радикальности обусловливаемых ею трансформаций социальных пластов бытия эта эпоха вполне сопоставима с нынешними процессами глобализации.

Так, интенсивное развитие капитализма вносит весьма существенные изменения в содержание, темпы и условия развития почти всех европейских стран. Подвергается ломке весь традиционный уклад жизни значительной части населения практически всего европейского континента: в течение жизни буквально одного поколения люди оказываются вовлечены в новые способы и формы жизнедеятельности. Ментальность, цементирующая базовые основания общественной психологии, перестает конструировать устойчивые формы идентичности, и миллионы европейцев увлекаются потоком социальной стихии без очевидных перспектив устойчивой социальной адаптации. Как нельзя более точно неуволнимость этой формирующейся социальной реальности эпохи, ее социально-психологический контекст отразились в ключевом лозунге «Манифеста коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» По своей объективной сущности этот лозунг являлся выражением нарождающегося социального опыта и политических запросов эпохи, поиском модели новой идентичности, способной компенсировать угрозы вполне реальной «когнитивной десоциализации» огромных масс населения, обреченных встраиваться и осваивать новые способы социального дискурса, лишенного устойчивой институционализации в системах традиционной культуры.

Названная стихия, неустойчивость социального мира данной эпохи находит свое выражение в крайне острых социальных конфликтах и потрясениях в целом ряде европейских государств. Буржуазные революции в Германии, Франции, нарастание революционного брожения в ряде других европейских стран, качественно новые темпы промышленного развития, обновление линий социальной стратификации, появление рабочего движения с присущими ему новыми формами протестного поведения и т. п. крайне обостряют как внутренние, так и внешние противоречия развития ведущих

европейских держав. Логическим завершением этих противоречий явилась серия локальных международных конфликтов, а затем и Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 г. в России с последовавшей за ней Гражданской войной, революцией в Германии и т. д.

Все эти факты и события, сопровождавшиеся ощущением неопределенности и непредсказуемости будущего, страданиями и лишениями для миллионов людей, утратой широкими массами устойчивых социальных ориентаций, способствовали нарастанию тревожности и беспокойства в общественном сознании, росту социального нигилизма и перманентности протестных настроений. Ясно, что если поиски социальной идентичности, адаптивной к новым моделям институционализации социального дискурса, проходят через социально-политический кризис и рост протестного поведения широких масс, то и в познавательной ситуации, формирующейся вокруг поиска адекватного гносеологического восприятия названной идентичности, неизбежно наблюдается определенный мировоззренческий кризис.

Высокий оптимизм, уповающий на возможности умножающегося знания и науки вооружить общество эффективным инструментальным знанием относительно справедливого обустройства жизни общества без войн и насилия, обеспечения благоденствия и процветания народов на принципах Равенства, Братства, Свободы, питавший лучшие умы Европы еще с эпохи Нового времени, и особенно с эпохи Просвещения, на рубеже XIX–XX вв. предстает все менее очевидным и обоснованным. Системный социально-политический кризис цивилизации, не поддающийся рациональному осмыслению и управлению, трансформируется в поиски альтернатив существующему знанию. Ставится под сомнение вся классическая традиция социально-философского знания, включая ее предметные и методологические основания. Ее опыт и инструментарий познания оцениваются как чрезмерно отвлеченные от насущных запросов человека и бессмысленные для реальной социальной и познавательной практики. Прагматизм, первым сформулировавший в середине XIX в. тезис о сомнительности всех «отвлеченных» философских истин, получает подкрепление в формирующемся ряде иных течений «критической философии», как рационалистической, так и иррационалистической направленности.

При всей существенности достижений и результатов, полученных в рамках предложенных альтернатив классической философии, они обнаруживают один недостаток: объективная реальность во всем ее многообразии оказывается подмененной ее вторичными проявлениями, будь то структуры языка или специфические рефлексивные проекции жизненного пространства личности. Реальный мир, в том числе и мир человеческой жизни, потенциально шире и богаче всех доступных форм и способов его отражения и истолкования, а значит, не может быть сведен к опыту человеческих «рефлексий» или ограничен символическими интерпретациями в языке. Подвижность социальных процессов, их внутренняя противоречивость, проявляющаяся в социальных конфликтах и отягощающая жизнь людей драматическими коллизиями, могут и должны быть познаны и интерпретированы обществом и индивидом в логике их объективного восприятия, регулирования и управления.

Именно в этом смысле, как нам представляется, есть основания говорить о закономерности возникновения теории социального конфликта как одной из научных рефлексий на мировоззренческий кризис рубежа XIX–XX вв. Конфликтология была объективно востребована логикой и новым содержанием социальных процессов и по-

требностью в качественно новой парадигме интерпретации их сущности и закономерностей. Научный анализ социальных конфликтов, выявление их реальной природы, содержания, функций, их значения в осуществлении жизненных процессов, развитии социальных структур и общества в целом формируют качественно новые подходы к изучению сложных социальных процессов, моделируют новые образы восприятия и интерпретации противоречий многомерных явлений общественного функционирования и развития. Социальные противоречия, а также деятельность индивида и социума в целом, направленная на их разрешение, оказываются доступными для познания не только в своих всеобщих сущностных основаниях, но и в последовательном алгоритме их проявлений, в их основных локальных и динамических характеристиках.

Идея Г. Зиммеля о том, что если нечто сохраняет свою устойчивость в социальном опыте, это нечто должно обнаруживать себя как объективно востребованное и функционально позитивное начало этого опыта, требуя соответствующего осмысления [6], легла в основу его попыток вскрыть внутреннее содержание и функции социального конфликта. Конфликтология впервые — и это ее особая заслуга — интерпретирует социальный конфликт не как аномалию и драму человеческой и общественной жизни, а как имманентное самой жизни свойство, как условие и способ осуществления этой жизни, как социальный логотип обеспечения одновременно ее устойчивой целостности и развития. Примечательно и очень точно в этом смысле замечание одного из классиков современной конфликтологии Р. Дарендорфа: «Не наличие, а отсутствие конфликта является чем-то удивительным и ненормальным. Повод к подозрительности возникает тогда, когда обнаруживается общество или организация, в которых отсутствуют проявления конфликта» [7, р. 127]. Исследование природы социальных конфликтов, причин, условий и механизмов их возникновения и разрешения, их функций, места и роли в общественном развитии — важная задача социальных наук. Именно эта задача и становится главной для новой социально-философской отрасли знания — теории социального конфликта, или конфликтологии.

Со вступлением российского общества в пореформенное состояние и возрастанием потребности в более глубоких и содержательных знаниях об условиях и закономерностях существования общества призвание гуманитарной науки «называть вещи своими именами» становится все более востребованным, она постепенно и неумолимо освобождается от навязанной ей роли «идеологической услуги» различных социальных и политических мифологем. Неотъемлемой частью этого процесса становится и конфликтология с ее специфическими познавательными средствами и собственной методологией анализа социальной действительности.

Качественно новые сущностные и динамические характеристики обретают и мировые тенденции современности. Процессы глобализации, пронизывающие мир во всех его многомерных связях и взаимодействиях, носят фундаментальный характер. Локальность и относительная замкнутость ниш бытия того или иного социума уходят в прошлое, а социальный дискурс культур, в том числе и контраверсивных, объективно универсализируется. «Бесконечно» малое становится неотъемлемым содержанием «бесконечно» большого, и оба эти начала социального бытия существуют, взаимно и непосредственно обуславливая друг друга. Противоречия этих процессов также утрачивают локальность проявлений. Любой конфликт оказывается, в большей или меньшей степени, цивилизационным конфликтом глобального характера, несущим угрозы устойчивости существования всего человечества. Если добавить к этим

особенностям современного социального пространства качественно новые ресурсы и средства (включая и информационные) социального дискурса, станет понятной масштабность проблем, с которыми сталкивается современный мир.

Некоторые авторы вполне справедливо отмечают принципиальность возникшей дилеммы XXI в.: «...Либо он станет веком конструктивного разрешения конфликтов, либо будет последним веком в истории цивилизации» [2, с. 11]. Несмотря на категоричность данного тезиса, он не лишен основания. Очевидно, что разрешение коллизий наступившего века требует адекватных и инструментально эффективных средств — как политического, экономического, социального, так и духовно-познавательного характера. Современное социальное познание начинает нуждаться в операбельных знаниях с широким набором прикладных ресурсов, способных адекватно интерпретировать логику социальных процессов и выработать инструментарий для непосредственной коррекции и управления этими процессами.

Эти объективные запросы привели к зарождению целого ряда социо-гуманитарных дисциплин, представляющих собой различные ответвления традиционных социальных наук (этно-психология, экстремальная психология, социальная антропология, экстремология и др.), а также относительно автономно формирующихся областей социального знания, к числу которых относится, в частности, конфликтология. Благодаря усилиям десятков ярких и талантливых исследователей, как зарубежных (Г. Зиммель, Т. Парсонс, Р. Мертон, Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг, Й. Галтунг, Д. Бертон, К. Митчелл и др.), так и отечественных (А. Анцупов, Л. Дробижева, А. Глухова, Н. Гришина, А. Дмитриев, А. Здравомыслов, В. Кудрявцев, Е. Степанов, А. Стребков, В. Тишков, А. Шипилов и др.), конфликтология сегодня оформилась в относительно самостоятельную область научного знания. Ее предмет, долгие десятилетия остававшегося междисциплинарной сферой повышенного интереса более чем десятка социо-гуманитарных наук, все более определенно локализуется в качестве целостного и многомерного явления, требующего системного и комплексного исследования посредством адекватных его содержанию средств и методов. Структурирование конфликтологии в самостоятельную область научного знания можно считать процессом, закономерно детерминированным и конкретно-историческим опытом мировых процессов, и сложившейся на сегодняшний день гносеологической ситуацией.

Каким бы ни был почти вековой опыт становления и развития конфликтологии, ее успехи и значение в обогащении знаний о социальной реальности сегодня являются общепризнанными. Исходная посылка конфликтологии о том, что конфликт является имманентным свойством жизнедеятельности общества на всех уровнях его организации, существенно расширила представления всех социальных наук о своем предмете и закономерностях его возникновения, функционирования и развития. Констатируя этот факт, «Международная социологическая энциклопедия» зафиксировала: «Теория конфликта, как особое течение мысли, более не существует. Ее оригинальная аргументация становится общепринятой: все социологические теории должны сказать что-нибудь о вездесущности конфликта в социальной жизни» [8, р. 62]. Ибо, как заметил в свое время К. Маркс, «только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*. А до тех пор накануне каждого всеобщего переустройства общества последним словом социальной науки всегда будет:

“Битва или смерть: кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса” (Жорж Санд)» [9, с. 185].

Институциональные характеристики конфликтологии как науки говорят о ее относительно содержательной и внутренне непротиворечивой структурированности. С очевидностью локализован предмет науки, сформировались соответствующие научные методы анализа, сконструирован внутренне непротиворечивый язык, определен основной набор методологических средств исследования конфликта. Вместе с тем целый ряд принципов и подходов, категориальный аппарат, вовлекаемые в палитру аналитического ресурса конфликтологии методы анализа по-прежнему заимствуются из арсенала философских, общенаучных или конкретно-научных методов. Иными словами, процесс становления конфликтологии питает огромное число научных дисциплин, в том или ином контексте исследующих феномен социального конфликта. Как отмечают А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов, в своих исследованиях уделившие значительное внимание статистическому анализу и систематизации конфликтологических публикаций, «проблема конфликта носит выраженный междисциплинарный характер. Новая наука — конфликтология рождается не на стыке двух-трех научных дисциплин, как это обычно бывает» [2, с. 32], но как результат совокупности исследований в самых разных областях современного научного знания.

Разумеется, это не свидетельство внутреннего изъяна самой науки, а естественное следствие поры «детства» и «отрочества» в становлении современной конфликтологии. Собственный «язык» конфликтологии, его специфические принципы и законы, его предметное поле все еще шлифуются и конкретизируются. Это в равной мере относится ко всем инструментальным и категориальным средствам современной теории социального конфликта, и прежде всего к центральному для этой науки понятию социального конфликта.

Несмотря на почти вековую историю исследований в рамках более чем десятка наук, понятие конфликта все еще остается для конфликтологии наиболее уязвимым и проблемным полем. Речь, конечно же, идет не о терминологической стороне вопроса. Проблема дефиниции, тем более когда дело касается центральной категории науки, непосредственно затрагивает принципиальные методологические основания ее функционирования, формирует границы ее предметного поля. Кроме того, важность уяснения категориального поля понятия конфликта связана сегодня и с возможностью адекватной интерпретации сущностной природы исследуемого явления, принципов его организации, функционирования и закономерностей проявления. Анализ данного перечня проблем предполагает определение и исследование в первую очередь содержательных характеристик социального конфликта, раскрывающих его субстанциональную природу.

Неудовлетворительность существующего набора представлений о сущностной природе конфликта признается, с теми или иными нюансами, большинством авторов, исследовавших данный вопрос. Определения, представленные в современной конфликтологической литературе, отражая различные грани и свойства социального конфликта, его статические и динамические характеристики, оказываются или избыточными, или чрезмерно узкими для того, чтобы передать реальный объем и содержание исследуемого явления. Одно из последних монографических исследований в этой области, осуществленное известным исследователем Н. В. Гришиной на широком междисциплинарном уровне, высветило сложность сложившейся ситуации с еще большей

очевидностью. Как резюмирует автор после всестороннего обзора существующих подходов к проблеме, «широта предметного поля затрудняет корректное определение конфликта, релевантное всем его видам» [10, с. 18].

Исследовательская работа по поиску удовлетворительного определения понятия «конфликт», похоже, может продолжаться бесконечно, пока проблема интерпретируется лишь посредством всевозможных описательных средств. Многогранный анализ свойств, признаков, форм и особенностей проявлений конфликта, осуществляемый хоть и в контексте различных как социально-философских, так и конкретно-научных методологических средств и подходов, все же недостаточен для формулировки универсальной дефиниции. Ни отдельные феноменологические характеристики конфликта, ни все они в совокупности, очевидно, не могут вывести проблему на приемлемый уровень научной интерпретации без существенного углубления методологической формулировки поисковой задачи.

Набор описательных средств, посредством которых в подавляющем большинстве случаев конструируется искомое понятие, опирается на субстратно-функциональные подходы к анализу конфликта как явления. Любая процедура верификации выявляет при таком подходе известную неполноту и незавершенность в описании предмета. При всех достоинствах данного подхода, особенно в период накопления и анализа эмпирического материала, он оказывается недостаточно эффективным на этапе синтеза и локализации предметного поля науки, выраженного и отражаемого его центральной категорией. История развития науки свидетельствует, что предельная непротиворечивость и корректность дефиниции достигается на уровне постижения субстанциональной основы исследуемого явления, характеризующей его всеобщее основание. Все существенное, устойчивое и повторяющееся в конфликте окажется производным от этого всеобщего основания и будет проявлять себя в качестве его существенных признаков. Таким образом, именно поиск и определение субстанциональной основы конфликта как социального явления может, на наш взгляд, стать реальной методологической матрицей для определения понятия конфликта.

Но прежде необходимо установить предметную область, в рамках которой предстоит найти искомое основание. Не вдаваясь в этимологию (и научное понимание, и обыденная речь примерно одинаково интерпретируют феномен конфликта), обратимся к наиболее характерным дефинициям конфликта, отражающим различия между существующими подходами. Так, один из классиков современной конфликтологии Л. Коузер определяет социальный конфликт как борьбу «за ценности и притязания на обладание недоступным для всех статусом, властью и ресурсами, борьбу, в которой цель сторон заключается в нейтрализации своего противника, нанесении ему вреда или его уничтожении» [11, с. 6]. Как видно, в данном определении конфликта акцентируется одновременно активность (деятельностное начало), предмет конфликта и направленность действий против соперника. В иных случаях Л. Коузер указывает и на негативный эмоциональный фон, присутствующий в настроениях действующих субъектов конфликта.

Другие авторы называют противоречия исходной предпосылкой и ведущим содержанием конфликта. Так, лаконичное определение предлагает один из зачинателей отечественной конфликтологии А. В. Дмитриев: «...Конфликт, — отмечает он, — это проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон» [12, с. 54]. Известный белорусский ученый Е. М. Бабосов, пытаясь

охватить наиболее существенные свойства и признаки конфликта в предложенных большинством авторов дефинициях, определяет конфликт как «пределный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между индивидами, различными социальными общностями, направленной на достижение экономических, социальных, политических, духовных интересов и целей, нейтрализацию или устранение действительного или мнимого соперника и не позволяющей ему добиться реализации его интересов» [13, с. 47]. По набору признаков, характеризующих социальный конфликт, данная формулировка почти совпадает с определением Л. Коузера, но в дополнение к нему автор упоминает противоречие как объективную предпосылку происходящей в рамках конфликта «борьбы». Здесь возникает трудность определения границ названной «пределности», а тем самым и условность локализации конфликта как социального явления.

Близкой трактовки конфликта придерживаются А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов, которые включают в свое определение фактор психологизма: «Под социальным конфликтом понимается наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу» [2, с. 75]. Здесь снова повисает в воздухе граница, отмечающая наиболее острый момент развития противоречия, что оставляет немало места для умозрительных фиксаций. Имеются и иные авторские позиции, по существу, воспроизводящие уже приведенные дефиниции, но с иными акцентами на первенстве тех или иных признаков конфликта.

Окинув взглядом основной набор признаков, признаваемых большинством авторов атрибутивными для социального конфликта, мы вынуждены заметить, что он даже приближенно не исчерпывает всей их возможной совокупности. Очевидно, что какая бы грань, фрагмент, элемент или признак конфликта не выделялись в качестве его существенного основания, ни одно из существующих определений не способно исчерпывающе описать всей феноменологии исследуемого явления. Как всякое социальное явление, конфликт оказывается многообразнее, многослойнее и многокачественнее, чем перечень используемых для его описания признаков. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, требует обращения к иным методологическим основаниям и подходам для непротиворечивой интерпретации социального конфликта.

Прежде всего следует констатировать, что конфликт представляет собой некоторый процесс, в рамках которого по крайней мере две стороны (и не обязательно субъекты, ибо тогда внутриличностный конфликт выпал бы из поля анализа) находятся в противоречивом взаимодействии или в противостоянии друг другу. В основе этого взаимодействия или противостояния лежит некоторое объективное или субъективное противоречие. Независимо от его характера и глубины, надо признать, что оно выступает всего лишь некоторой предпосылкой конфликтного взаимодействия, поскольку остается равным самому себе отношением без активной творящей силы и воли субъекта. Более того, в рамках объяснительных концептов «теоремы Томаса» любое объективное противоречие, чтобы стать источником конфликта, должно быть интерпретировано субъектом как противоречие, содержащее определенную угрозу его интересам. Но и после интерпретации ситуации как конфликтной, по мнению большинства специалистов, конфликта еще нет, пока субъект не вступает в фазу активного действия, т. е. пока не развертывается конфликтный процесс.

Таким образом, в рамках конфликта мы имеем дело с субъектом, не только находящимся в ситуации противоречия, в той или иной степени затрагивающего его интересы, потребности, цели и устремления, но вступающим в процесс активного действия по ее разрешению в состоянии нацеленности на борьбу. Следовательно, сам этот процесс предстает как определенная целенаправленная деятельность субъекта или субъектов, направленная на разрешение существенных для него или для них противоречий. Многие авторы, отмечая деятельностную природу социальных конфликтов, неоправданно, на наш взгляд, избегают попыток конструировать понятие конфликта через категорию деятельности. Отчасти это можно объяснить следованием традиции зарубежной конфликтологии, где сформировались основополагающие подходы и стандарты объяснения конфликтов. При этом отметим, что в зарубежной (прежде всего, американской) социологии не принято придавать проблеме дефиниции исследуемых явлений то значение, которое укоренилось в отечественных стандартах научного изыскания. К. Маркс и Ф. Энгельс по этому поводу заметили, что отсутствие определения также есть определение, притом наихудшее [9, с. 266]. Тем не менее, признавая данное обстоятельство изъяном научного поиска, и там уже признают, что «предпринимаемый время от времени анализ понятий помог бы преодолеть» эти недостатки [14, с. 11].

На основе всестороннего анализа методологии и принципов научного познания вполне обоснованно было признано, что описательная редукция явлений, безусловно, увеличивает аналитические ресурсы познавательного процесса, но синтезировать понимание качественной определенности объекта или явления становится возможным лишь на основе выявления субстанциональных оснований, характеризующих его сущностное содержание, а не только совокупность свойств и признаков. Таким основанием любых социальных явлений, обладающих необходимой степенью всеобщности и универсальности, является, очевидно, деятельность, как предметно-преобразующее начало и содержание всех социальных процессов, в том числе и конфликтов. Принимая данное субстанциональное основание в качестве всеобщего основания всех социальных явлений, социальный конфликт, вероятно, можно было бы определить как негативный способ взаимодействия, в результате которого субъекты взаимодействия, нацеленные на борьбу, сохраняют или изменяют свое положение в социуме или каком-либо ином объединении людей.

Разумеется, данное определение требует соответствующей апробации на предмет инструментальности и методологической корректности в качестве матрицы познания сущности конфликта. Но в первом приближении оно представляется нам внутренне непротиворечивым и эвристичным.

Конфликт, как специфический способ человеческой деятельности, выражает собой некоторую сущность данного социального явления. Вместе с тем, на уровне феномена, конфликт всегда проявляется в виде взаимодействия двух и более субъектов или сторон, предстывая как «негативный способ взаимодействия субъектов в состоянии нацеленности на борьбу» за изменение или сохранение статусов, позиций, ролей, отстаивания интересов, ценностей и т. д. [15, с. 416–417]. Речь идет не только о сопряженности всякого конфликта с негативными эмоциями, переживаемыми его участниками. В рамках данного способа взаимодействия созидательность, конструктивность конфликта как способа разрешения актуального противоречия реализуется лишь посредством разрушения, качественной трансформации сложившегося статус-кво.

В этом смысле конфликт представляет собой наиболее концентрированное выражение внутренней диалектичности деятельности, что требует специального анализа.

Наконец, категория деятельности, как системообразующее основание интерпретации социального конфликта, позволяет рассматривать последний как предмет социально-философского знания, а теорию социального конфликта (конфликтологию) — как социально-философскую теорию. Очевидно, только этот уровень анализа социального конфликта, рассматриваемого как всеобщее и универсальное явление социальной реальности, может позволить преодолеть те противоречия, с которыми сталкиваются сегодня междисциплинарные опыты его исследования.

Подводя итоги, можно констатировать, что предмет конфликтологии своим средоточием имеет указанный специфический способ человеческой деятельности, интерпретируемый во всем многообразии уровней, видов и типов его проявления в процессе разрешения того или иного актуального социального противоречия. Но данная констатация схватывает лишь базисный контекст предмета конфликтологии. Как любая наука, конфликтология, образуя сложную, иерархически структурированную область знания, обречена на постоянную рефлексию и поиски способов совершенствования своих познавательных ресурсов и проверки этих ресурсов на верифицируемость и фальсифицируемость, методологическую инструментальность и эффективность. Таким образом, предмет конфликтологии должен быть дифференцирован на онтологическую и гносеологическую составляющие, каждая из которых представляет собой ее неотъемлемое проблемное поле познания.

Разумеется, эти наброски анализа предмета конфликтологии не исчерпывают всей проблематики, всего содержания данной науки. Мы имели в виду лишь обозначить широту и внутреннюю сложность предмета конфликтологии, отражающие растущую многомерность содержания конфликтологии как науки и образовательной программы.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
2. Анциупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007.
3. Нечипоренко Л. А. Буржуазная социология конфликта. М., 1982.
4. Семенова Л. А. О методологических принципах исследования социального конфликта в американской социологии // Социс. 1975. № 2.
5. Семенова Л. А. Теоретические концепции конфликта в современной социологии США. М., 1975.
6. Simmel G. Conflict / trans. by K. H. Wolff. Glencoe, IL: The Free Press, 1955.
7. Dahrendorf R. Out of Utopia. Essays in the Theory of Society. London, 1970.
8. The International Encyclopedia of Sociology / ed. by M. Mann. New York: Continuum, 1984.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Избранные сочинения: в 9 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1985.
10. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2002.
11. Козер Л. А. Основы конфликтологии: учеб. пособие / пер. с англ. А. А. Крашевского, М. В. Сорокина. СПб., 2001.
12. Дмитриев А. В. Конфликтология: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2001.
13. Бабосов Е. М. Конфликтология: учеб. пособие для студентов вузов. Минск: Тетра Систем, 2000.
14. Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. А. Назаровой. М., 2000.
15. Стребков А. И. Конфликтология в культурном и образовательном пространстве России // Конфликтология для XXI века: наука — образование — практика: материалы Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов: в 2 т. Т. 1. СПб., 2009.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2012 г.